

КРОШКА

ПОВЕСТЬ

ОРХАН КЕМАЛЬ

Перевел с турецкого В. Никифоров

Рисунки И. Блюха

Айтен юркнула в дверь, запыхавшись, бегом поднялась по лестнице. Значит, он злится, и еще больше матери? Пожалуй, он прав. Какой мужчина, мог бы согласиться на это? Она знала, что совсем потеряла его. Однако и виновата была только сама. Эрол, любимый Эрол!.. Пусть бы ударил, избил...

Остановилась на четвертом этаже. Вытащив из кармана маленький ключик, бесшумно отперла замок. Проскользнула в квартиру, оставив дверь приоткрытой. Не разбудить бы тетку! Быстро сбросив маленькие туфли-мокасины, Айтен на цыпочках вошла в ее комнату. Мимо кровати, на которой, легонько похрапывая, спала тетка, прокралась к комоду. В окно струился мертвенно-бледный свет луны. Открывая ящик, нечаянно столкнула на пол стакан, стоявший на комоду. Треск разбившегося стекла разбудил тетку.

— Кто там?

— Тише, не шуми, это я!

— Что случилось? Чего ты там ищешь?

— Деньги...

— Какие деньги?

— Ну эти, которые мы копили для...

— Зачем? Что ты будешь делать?

— Тетя, ради аллаха не начинай, ночь ведь. Мне нужно, давай!..

— Ну хорошо, а что ты будешь делать с ними?

— Разве мы не собирались купить кресла и канапе?

— Купим, конечно купим. Давай скорей...

Темное пятно на постели некоторое время оставалось неподвижным, женщина молчала. Как отдать, как можно отдать четыреста пятьдесят лир, которые отложены на гарнитур!

— Тетя, ну давай деньги, я пойду, дело есть!..

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 5—7 за 1961 год.

— Айтенчик, деточка моя, птенчик...
— Давай же!..
— А ты не скажешь, что с ними сделаешь? Кому ты их отдашь?

Тетка достала из комода деньги, протянула Айтен. Руки ее дрожали. Да проклянет аллах тех, кто забирает у них эти деньги! Почему, почему кто-то словно бы присосался к ним?

Тенью выскользнула Айтен из комнаты; надев гупфи, вихрем спустилась по лестнице. Алтындиш ждал, посасывая сигарету.

— Идем...

Алтындиш пошел следом. Девушку словно подменили. В машине молчала как убитая, а сейчас, смотри, как оживала. Чему это она так радуется?

Поспевая за Айтен, Алтындиш ускорил шаг. Айтен почувствовала на шее горячее дыхание парня:

— Чего ты так спешишь? Придешь на минутку позже — что случится. Не терпится, чтобы тебя выгнали?

Остановилась:

— Как — выгнали?

— Говорю же, он на тебя здорово сердится! Не понимаешь что ли?

— Эрол на меня не будет злиться!

— «Не будет», как же! «На глаза мне пусть не кажется», — говорит... Будь у меня такая девушка, как ты...

— Ну?

— Умереть был бы готов за тебя, вот! Темнота, мрачная улица. В самом конце ее на столбе светилась маленькая лампочка.

Алтындиш остановился:

— Подожди, я пойду, посмотрю!

Сердце Айтен билось часто-часто.

— Ладно, иди...

Айтен осталась возле фруктовой лавочки, ставни которой были закрыты. Алтындиш через калитку вошел во двор, повернул налево, к слабо светившемуся окну. Постучал. Дверь открыла старая мать Эрола.

— Входи, входи, сынок...

— Ну как Эрол?

В углу комнаты, которую освещала маленькая запыленная лампочка, на керосинке кипела кастрюля. Эрол лежал на подстилке, положенной на тахту. На бледном лице, покрывавшемся рыжей щетиной, отражалась боль.

— Ну как ты?

— Сам видишь.

— Что нового из клуба?

— То же.

— Ну а нога как?

— Как, как! Пришла вот одна старуха, завязала.

— А доктор?

Мать Эрола подняла на гостя заплаканные глаза:

— А деньги-то где, сынок, чтобы доктора позвать? Разве доктор придет бесплатно? Если и придет, то делает ли перевязку?

— Если бы отвезти в больницу...

Горько-горько вздохнув, женщина проговорила:
— О-хо-хо, в больницу. Только за такси отсюда самое малое двадцать пять лир возьмут, и то как одолжение.

Эрол, страдальчески сморщившись, смотрел на них.

— Дай-ка сигарету!..

Вытаскивая пачку «Биринджи»¹, Алтындиш бормотал:

¹ «Биринджи» — марка дешевых сигарет.

На языке вертелось: чего ради платить деньги игроку, который с двух метров не может забить гол, но промолчал, удержался.

Алтындиш вытащил из кармана брюк смятую пачку сигарет «Биринджи», закурил. Глядя на него, Хасан-бей не выдержал:

— Дай же и Эрслу!

Алтындиш думал отшутиться:

— Пачка «Биринджи» уже семьдесят стоит, ага-бей!

— Ну и ладно, дай!

— Всего-то три штуки осталось, я их до вечера растяну.

Хасан-бей курил только сигареты с гашишем, простые не курил. А так как страстным курильщиком не был, сигарет с собой не носил.

— Ну дай же сигарету, тип ты этакий! — не отставал он от парня.

— Плюнь ты на него, Хасан-ага-бей, — вмешался Эрол. — Злую собаку не приручишь. Просил я что ли эту сигарету?

Нехотя, медленно снова полез Алтындиш в карман, бросил пачку на грязный мрамор столика. Хасан-ага-бей, покопавшись, достал измятую сигарету, протянул Эролу:

— Ну и сигареты стали — полупустые... На-ка, закуривай, Эрол!

Хотя Эролу страшно хотелось курить, он все-таки заметил:

— Не надо беспокоиться, Хасан-ага-бей...

— Закуривай, закуривай...

Эрол взял сигарету. Пока он прикуривал, Алтындиш съязвил:

— Тоже, беспокойство... Смеешься ты что ли над нами? Кто велел матери прогнать Айтен, дурень! Трешницу, пятерку во всяком случае имел бы сейчас. По нынешним временам благородство ничего не стоит, братец. Ты говорил ей: «Иди ко мне» — она шла, говорил: «уходи» — уходила, деньги просил — давала. Чего еще?

— Друзья-приятели у нее есть? — спросил Хасан-ага-бей.

— Как же не быть, — оживился Алтындиш. — Да еще сколько. Недавно встретил ее на Бейоглу. Скотина, говорю, что это значит? Она туда-сюда. Не показывайся, говорю, на глаза Эролу. Так, знаешь, огрызнулась. Плевать я хотела, говорит, кто твоего Эрола боится?

Эрол зло обернулся:

— Да-а-а? Значит, так и сказала?

— Сказала, пропасть моей матери, сказала. Я же тебе друг. Знаю, переживаешь, но все равно должен же ты знать. «Слушай, — говорю ей, — ты чего это, потому, что парень хромой стал, да?» Так знаешь, что она мне ответила?

— Что?

— Пусть ему еще хуже будет!

Эрол передернуло. Перед глазами все пошло кругом. Нога! Эта нога, эх, эта нога!.. Если бы не хромота, не посмела бы она так говорить. Если бы нога, пошел бы сразу... Ты, мол, послушай-ка, ты это сказала, да? Так на же тебе — раз, другой, еще раз! А что было бы потом — наплевать. Пусть бы сажали в тюрьму, если им хочется. Не убили бы ведь! А выйдя, снова избил бы — и опять в тюрьму. Трех смертям не бывать, а одной не миновать. Ну а старушка прокормится как-нибудь. А если даже и не прокормится, ему нет дела ни до кого на свете...

— ...Тетка ее, вы б только видели! Так разодела, форсит, на всех высоко смотрит!

Эрол вздохнул.

— Видно, в наши времена, — вмешался в разговор Хасан-ага-бей, — нужно родиться бабой!

Алтындиш утвердительно кивнул головой.

— Точно. Но надо быть такой пройдохой, как Айтен. Провалиться мне, если она не зашибает несколько сотен за ночь, так и те за деньги не считают'.

Перед глазами Эрола замелькали нозенькие сотни, десятки. Ох уж эта мать, ох старая кэрга... Чего ей было прогонять девку, которая сама к дверям пришла! Если сейчас она девала бы в неделю по несколько десятков... Кто и что знал бы? Да и пусть знают, если хотят. Что ему до сплетен чужих людей... Вот сейчас никто не сплетничает, а какая от этого польза? Он затыкнулся сигаретой, пустил дым через нос.

Все дело портила эта нога. Эх, попрайтись бы да выйти как-нибудь вечером с Алтындишем или с кем другим на Бейоглу, встретиться с Айтен, лишь бы она там показалась... Если увидится с ней, Айтен вернется к нему снова, как пить дать. Подбросит денег, а там и...

— Пропасть моей матери, — снова прервал его раздумья Алтындиш, — каждую ночь несколько сот, и за деньги не считает!

Хасан-бей ушел к плите. Парни продолжали беседовать:

— Ясно, не будет считать. Коль уж по этому пути ударилась...

— Да, если бы в твоём инвалидном положении она подбрасывала тебе каждый день по тридцатке, по полсотне — плохо ли было бы?

— Конечно, неплохо. Так-то, Алтындиш. Из-за несправедливости страдаю. Сигарет даже не на что купить!..

Алтындиш, словно собираясь открыть какой-то секрет, еще немного придвинулся:

— Хочешь, махнем как-нибудь на Бейоглу?

— Зачем?

— Что «зачем»? Покажись подлюге или даже...

— Ну?

— Отзови в сторонку да отвесь ей одну, другую... Будь я сухой — каждую ночь несколько сот. Ты бы посмотрел на ее тетку! А квартира, где они живут, — целый этаж! А мы за маленькую каморку с трудом платим. Значит, могут позволить себе такую квартиру.

Правду говорил Алтындиш. Самое малое — квартира на целый этаж, да и то из средних, стоила лир триста-пятьсот. Это значит, что Айтен зашибала в день несколько сотен, а в месяц — так или эдак — пять-шесть тысяч. И если бы она подбрасывала тыщонку от пяти-шести, что бы случилось? Он ведь первый ее возлюбленный, первая ее зазноба. А то, что мать ее прогнала, — это пустяки, сказал бы ей: «Ну полно, что тебе мать?» — да и делу конец. Нужно будет — скажу, что ничего не знал. Кто что пронюхает? Пусть знают, если хотят. В месяц железная тысяча, чистая. Никаких там тебе налогов. Эх-ха. Не невеста же она мне! Ну, а если уж потребуется, так и переехать в другое место можно. И делу конец.

Эрол встал.

— Куда? — спросил Алтындиш.

— Домой.

— Чего тебе дома-то?

— Пойду лягу.

Вышел из кофейни.

Опираясь на палку, пошел потихоньку. Обычная теперь при ходьбе невыносимая боль сегодня как будто немного ослабла, или же ему просто кажется? Весь вопрос заключался в том, чтобы получить

от девушки в месяц тыщонку. Если правду говорил Алтындиш, если завелись у нее новые дружки, новые возлюбленные, она может дать ему, Эролу, отставку. Отзови ее в сторонку, дай оплеуху — может случиться, что найдутся защитники...

Тяжело опираясь на палку, Эрол перешел на другую сторону.

Может, найдутся защитники, однако кто его знает, возможно, и нет у нее никого, были какие-нибудь простачки, для забавы. Такие простачки только и годятся для забавы, а на серьезное дело — нет. Так или эдак... Однако мысли об этом крепко сидели в голове. Отозвать в сторону — дашь денег? Нет? Бац, бац, раз, другой. Если найдутся защитники, так и им... Потому что другого выхода нет. Невозможно жить тем, что получает мать, работая три дня в неделю.

Будь у него капиталчик небольшой, открыл бы лавку, взял бы себе мальчишку какого-нибудь на побегушки и зажил бы, занимаясь своим делом. Тогда бы он не стал мараться из-за денег шлюхи, будь верных тысяча, или даже пять, или, если угодно, и десять тысяч. Но вот нет, черт возьми, нет никакого капитала. Каждому в жизни что-то остается от отца, от деда, каждый получает наследство, начинается дело. Ему же ни от отца, ни от деда. Ну а старушка — сегодня есть, а завтра нет. Что тогда?

Эрол ударил палкой увязавшуюся за ним облезлую собаку. Тогда — грязь, горе, слезы. Из-за того, что он брезгует деньгами распутницы, хозяин пе-

карни не дает хлеба; бакалейщики, мясники, зеленщики, портные, сапожники тоже на это не смотрят. Достоинство, честь, совесть... Да, конечно, однако можно ли их есть, можно ли пить?

Домой пришел раздраженный. Мать, выглядевшая совсем больной, стирала белье. Увидев сына, сказала:

— Ну сынок, к бакалейщику привезли керосин!..

— Ну и что? — взорвался Эрол.

— Ты бы взял банку да...

— Да встал бы в очередь, так что ли?

— Разве я сама везде успею, сынок? Смотри, ведь совсем больная стираю. Тебе нисколько не жалко твою мать?

Эрол раскраснелся от злости:

— Вот ведь никак не могу тебе доказать, старуха, никак! В силах ли я часами стоять в очереди с этой больной ногой?

Старая женщина тыльной стороной ладони вытерла глаза.

— Ах, сынок, сынок. Если бы ты послушал меня раньше...

— Если бы женился на одной из пропавших табаком девок, да?

— Ну а так, посмотри, что с тобой стало. Сказала бы, да язык не поворачивается. Сам видишь, мой век кончился, недолго я протяну. Все мои мысли-думы о тебе. Что с тобой станет, с больной твоей ногой, когда закроются мои глаза? Кто тебе кусок хлеба даст, кто бельишко постирает?

Мать вытерла рукой слезы, катившиеся по щекам.

Эрол грустно-грустно покачал головой:

— Правда. Кто и что сделает для такого калеки, как я? Даже Айтен...

Мать взглянула сердито.

Эрол удивился:

— Ты чего?

— Не говори об этой погани!..

— Погань, однако несколько сот за ночь и днями не считает...

— Не считает, чего ей считать? Когда она с каждым чего только не выкидывает!

Возражать было бесполезно. Эрол прошел в комнату, взял литровую жестянку из-под оливкового масла, приспособленную вместо керосиновой бидона; опираясь на палку, заковылял к лавке бакалейщика.

...В очереди за керосином выстроились по одному, в цепочку, женщины, мужчины, детишки. Растянулись до самого проспекта. Эрол встал в самый конец. Огромная выкрашенная в желтый цвет керосиновая автоцистерна еще не приехала. Каждый из стоявших в очереди о чем-то говорил. Время от времени резкие голоса спорящих друг с другом сторонников той или иной партии взлетали над нестройным гомоном.

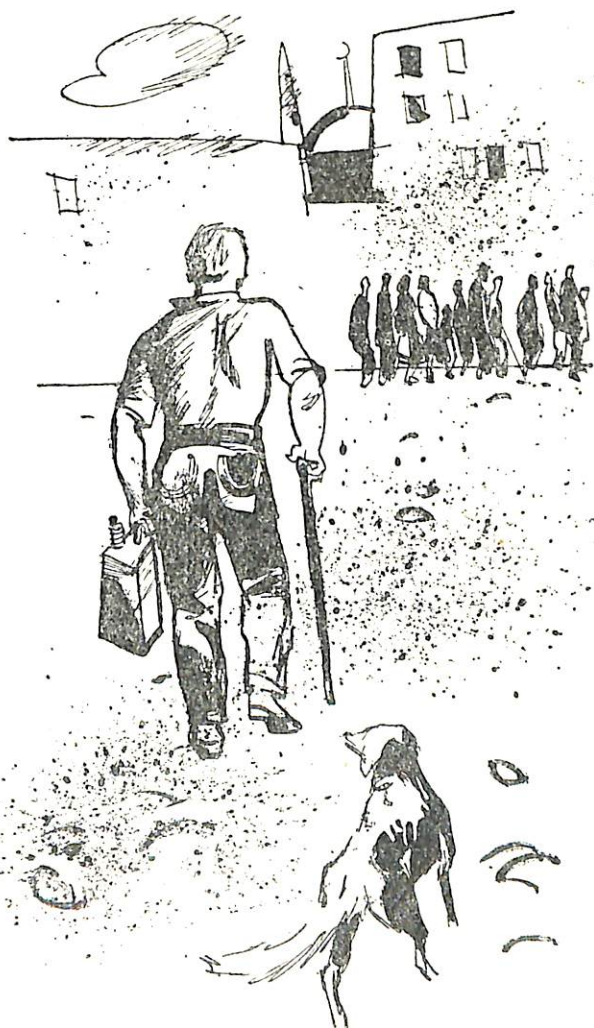
— Вот вам невиданное процветание!

— О ком это ты, о чем, старая перечница?

— Это мать твоя перечница, и притом старая!

— Ну, скажем, во время войны было плохо, сынок. А сейчас-то война что ли?

Эрол не слушал споров. Единственное, что ему нужно сделать, — это заставить Айтен раскошелиться. Кто бы чего ни говорил, пусть. К тому же, кому какое дело? Что она ему, законная жена что ли? Он уже чуть-чуть не уверил себя в том, что и брать-то собирается свое, законное. Только бы Алтындиш был с ним заодно. Если нет — надо еще подумать. Потому что этот парень может растрепать по всему кварталу, и пойдет сплетня расти, как снежный ком. А если Алтындиш будет рядом,

они, как пить дать, будут иметь тыщонку в месяц, а тогда...

Внезапно шум и крики донеслись до Эрола. Огромная желтая автоцистерна, переваливаясь с боку на бок, ползла по разбитой мостовой. Очередь нарушилась. В перемешавшейся толпе толкотня, ругань... Из кабины выскочил в бело-зеленом с длинным козырьком кепи, в темных очках и галфе из мягкой коричневой кожи шофер, строящий из себя какого-то Джонни из воображаемого американского фильма. Выскочил и, глядя с отвращением на кипевшую толпу, заорал:

— А ну, что тут творится? Чего вы брыкаетесь, как коровы в стаде?

А кинофильм, который шел в голове Эрола, опять продолжался. Не просто верная тысяча в месяц. За все прошлое она могла бы расквитаться сразу несколькими тысячами. Тогда, пожалуй, было бы еще хлеще. Открыл бы вместе с Алтындишем лавку. Какая бы ни была, а лавка. Начали бы по-немножку, с малого. Да чего там, разве не может он обойтись без Алтындиша? Обязан он что ли выделять ему пай?

В постепенно смешивающейся очереди снова кипение. Сцепились две женщины, размахивая жестяками от керосина, потом в драку ввязались другие. Эрол не знал, почему и отчего потасовка, однако ему было жалко женщину с ребенком, которую драли за волосы. И никто не разнимал дерущихся. Эрол попытался было пойти разнять, но не вышло. Нога вдруг страшно заныла в месте перелома.

Да, конечно... Начхать надо на Алтындиша. Он совершенно здоров, шельма. Пусть делает, что хочет. Чего ради выделять ему долю? Мало ли смеялся, мало ли он издевался первое время.

Эрол откашлялся, сплюнул.

Конечно, поиздевался изрядно, однако когда Эрол сломал ногу, он сразу подбежал, взвалил на плечи, обливаясь потом, тащил на себе до самого дома. Неплохой в общем парень. Плохо ли работать вместе? Как бы то ни было, разве не появится необходимость в помощнике? Ясно, появится, обязательно. А коли так, то почему Алтындишу не быть этим помощником?

Невыносимо болела нога. Эрол присел на корточки. Если бы не было стыдно, заплакал бы. Кажется, ногу сверлили буравом. Немного спустя боль отпустила, затем прошла совсем. Слава богу! Если бы боль не перестала...

— Давай банку, сынок!..

Рядом стояла мать.

— Ты? — удивился Эрол.

— Ничего, ничего. Ты ведь с больной ногой. Иди ложись...

— Ну хорошо...

Тяжело опираясь на палку, шел и думал о матери. Если бы выжать деньги из Айтена да открыть лавку, избавил бы мать от нищеты. Разве ему не жалко старую женщину? Конечно, жаль. Да что пользы-то от жалости? Вот обработает он девицу, отхватит куш, откроет лавку и начнет торговать вовсю. Вот тогда, тогда он позаботится и о матери. А если и спросит мать, чего да откуда, он скажет ей: «Ешь свой виноград, а с какого он куста — неважно».

Подошел к дому, хотел было войти, но остановился. Что делать дома? Лежать без конца? А что если пойти в кофейню, найти там Алтындиша, поговорить насчет лавки да вместе бы планы продумать...

Направился к кофейне.

ЗАМЕТКИ О ВЫСТАВКЕ

Что такое выставка живописи Эфиопии, которую москвичи недавно увидели в Музее восточных культур? Здесь есть все — реалистические портреты и сюрреалистические полотна. Этнографические этюды и изображения, близкие к византийским фрескам. Но мы начнем разговор с маленькой тусклой «Сцены у костра» Вольде Месфен Ареру.

В смутной коричневой мгле сидят у костра люди. Сидят неподвижно, скрестив ноги, в полутьме кажутся каменными древними памятниками. И кажется, что сидят они так много тысяч лет, запечатленные в этой сцене.

Уже много тысяч лет назад Эфиопия была могучей державой с высокой культурой и прекрасным искусством. До сих пор в сердце Эфиопии находят загадочные памятники, странные обелиски и ступенчатые башни, о которых никто ничего не знает. Знают только одно: здесь существовало искусство настоящее, самобытное и ни на что не похожее.

Каждый художник вскормлен соками какой-нибудь культуры. Есть на выставке модернистские полотна, рожденные от общения с неважными ателье Парижа. А есть наивная, трепетная школа рисунка, сквозь которую просвечивает культура тысячелетий.

У Гебре Марьям Вагайе картины желтовато-коричневые и светлые. В них этнографическая точность и определенная условная манера изображения людей. Здесь интересно раскрыта традиция рисунка, застывшая в веках: поворот головы, большие ступни сбоку и торс, развернутый в фас. Сквозь эту застывшую традиционную древнюю форму проступает движение, характер, порыв — динамика, свойственная новому искусству.

Любопытна работа Тесфае Мандефро. Воспаленный жаркий пейзаж пустыни. Синие-красные жестяные облака взбухают над землей, и каменный огромный кактус горбится, как уродливая опухоль опустошенной и выжженной земли. Крошечные люди пробираются по этому опасному миру осторожно, но спокойно.

Дань византийской школе отдает Тассеу. Большая зелено-розовая фреска «Обед во дворце» знакома нам по ассоциации с церковной русской росписью. Почему-то здесь много восточного колорита и живости в неподвижных лицах и красках, нежных и ярких: самые разные цвета взяты в единой мягкой тональности и плавно вливаются одна в другую.

Вот несколько слов о тех работах, которые отмечены двумя печатями, важными для нас: местным колоритом и самобытностью. Искусство Эфиопии стоит сейчас в нерешительности на перекрестке разных дорог. Дороги эти ведут и в Лондон, и в Париж, и в глубь веков родной страны. Последние, на наш взгляд, наиболее интересны.

ИРИНА УВАРОВА

Але Фелеге Селам. Женский портрет.

Але Фелеге Селам. Надежда.

Гебре Марьям Вагайе. Деревенская сцена.

Хоть он слегка и прихрамывал, какая беда? Он же выбросил палку!

Вместе с Алтындишем, словно голодные волки, рыскали они по Бейоглу, выслеживали свою добычу. Голубоватые вспышки-молнии на трамвайных проводах, скрежет колес по рельсам, рев автобусов...

Был холодный вечер. Восемь часов, потом девять, десять. К одиннадцати улицы опустели, однако и на этот раз появились нахальные пьянчуги. Пуская в ход не только язык, но и руки, они приставали даже к тем женщинам, которые шли в сопровождении мужчин.

— Если сегодня не встретим, конец! — раздраженно проговорил Эрол.

— Чему конец?

— Ничему...

— А я-то подумал уж...

— Что ты подумал? Что я плюну на это — так что ли?

— Может быть, кто знает...

— Ты с ума сошел? Да разве можно от этого отказаться? Если не сегодня, так завтра, не завтра — так послезавтра. Уж если я задумал — все, конец. Да... Значит, тетка ее так и сказала?

— Будь я проклят, плохой район, говорит, мелкие людишки, — так и сказала.

Едва друзья отошли на несколько шагов от кинотеатра «Алказар» в сторону улицы Бурса, Алтындиш дернул Эрала за руку:

— Видишь, смотри: вон, напротив!..

Эрол с ненавистью посмотрел и увидел. Рядом со старухой, держа друга друга под руки, шли три девушки. Айтен шла посредине. Слово свежая веточка. Она казалась совсем ребенком. Ее большие глаза то принимали удивленное выражение, то беззаботно смеялись, то вдруг становились серьезными. Губы ее были слегка подкрашены. На лоб по-прежнему ниспадала подрезанная ножницами детская челочка. На отвороте ее темно-красного пальто был приколот лиловый восковой цветочек с зелеными листиками. Бедро ее стали немного полнее, однако ноги, как и раньше, оставались совсем детскими.

По улице, на которой, словно опасные мины, бродили нахальные пьяницы, девушки дошли до мечети Агаджами и повернули обратно. Все рассматривали их. Да на них и нельзя было не обратить внимания. Особенно на тех, которые шли рядом с Крошкой. Губы их были так грубо накрашены, что весь их вид говорил о распутстве. Казалось, Крошка совсем случайно попала в их компанию. Она была похожа на щебетунью-школьницу лет четырнадцати-пятнадцати.

Посмотрев на девушек, Алтындиш заметил:

— Она им совсем не пара.

— Совсем, — подтвердил Эрол.

— А она похорошела.

— Это от того, что поправилась.

— Поправилась.

— Это ты виноват в том, что девка свихнулась...

— Ну и что такого, если я виноват?

— Грех тебе.

— Отстань, что плохого в том, что свихнулась?

Будь здоров, как деньги зарабатывает. Не займись она этим делом, вышла бы замуж, сидела бы сейчас возле лохани, стирала замаранные пеленки!..

Спрятавшись в дверях кинотеатра «Алказар», друзья следили за девушками, которые прохаживались от кинотеатра «Сарай» до Агаджами и обратно, выжидали случая.

— Интересно, по сколько уже визитов сделали они сегодня? — размышлял Алтындиш.

Закурив сигарету, Эрол заметил

— Слава богу, я еще не начал считать.

— Вот теперь и начнешь.

— Ну уж нет!

— Почему?

— Я, браток, все-таки мужчина.

— Плевать на твои анкетные данные...

— Ну вот, начнем ругаться, ха!..

Алтындиш хихикнул:

— А знаешь, проституция — трудная профессия!

— Столько лет прожил и только догадался?

— Брось шутки, посмотри на них... Сколько бабников насаждает им на пятки. А повозись-ка с пьянчугами, которые лыка не вяжут!

— А ты про монеты вспомни. Монет много, так...

— Ну и пусть, оставь ты это. В самом деле, быть бабой — трудное искусство!..

— Избавь меня от своей философии! — не вытерпел Эрол. — Не видишь, старуха торгует с каким-то стервецом. Вот это да, посмотри на типа!.. Шофер что ли?

— Наверно, шофер.

— Дубина!

— Да еще какая!..

— Посмотрим, кому повезет в лотерею...

— Кому ни повезет, помоги ей аллах.

— Пусть поможет. Тип-то какой, бандюга...

«Выигрыш» пал не на Крошку. Эрол хотя внутренне и обрадовался, виду не подал. Протянул сигарету Алтындишу, чтобы дать прикурить от нее. Алтындиш прикурил.

— У старухи-то дела тоже прелесть. Посмотри, как она крутит девицами, словно овец гонит впереди себя.

— До чего же я зол на эту каргу! Мою-то она с пути сбила. Всю бы морду ей расквасить надо...

— Плюнь.

— Стоп! Еще один клиент!..

— Готово!..

— Дай бог, чтоб на нашу...

Хотел сказать: «не пришло» — не успел. И на этот раз испарилась та, что шла рядом с Крошкой.

Крошка осталась одна со старухой. Она словно бы удивилась, так по-детски посмотрела на старуху, что та подошла ближе к ней. Пакизе была довольна. Улыбаясь, что-то сказала. Затем, взявшись под руки, они пошли к мечети Агаджами. Едва свернули направо в улочку, Алтындиш дернул товарища за рукав.

— В переулочк свернули, давай!..

На своих длинных, тонких ногах Эрол, оторвавшись от Алтындиша, стрелой рванулся вперед, перемахнул на другую сторону, постояв мгновение на углу и оглядевшись, быстро исчез в переулочке.

Последующие события развивались быстро, как в кино. Эрол, словно молния, подскочил к старухе с Крошкой. Стоя на углу, Алтындиш видел, как он коршуном налетел на нее и, схватив за волосы, безжалостно начал бить кулаком в лицо. Отозвавшись на крики упавшей на мостовую в кровь избитой Крошки, тесная улочка начала оживать. Невесты откуда сбежалась куча народу. Эрала оттеснили в сторону. В щели между высокими зданиями толпа людей вперемежку с полицейскими, ночными сторожами и патрулями наводила порядок. Алтындиш исчез. Жандармы толкали Эрала на проспект. Быстро пересекли Бейоглу, направились к улице Бурса. Крошка, стараясь не отставать и мелко-мелко

СТИХИ

С. Эрдэнэ — один из наиболее ярких современных поэтов Монгольской Народной Республики. В его стихах находит широкое отражение тема любви к родной земле, ее природе и людям. Поэзия Эрдэнэ проникнута оптимистическим мироощущением и гуманизмом.

СЛОВО ПОЭТА

Пропуск в рай если б я получил,
Если б знал,
Что волшебник, который его подписал,
В самом деле могуч, в самом деле велик,
И врата предо мной распахнуть повелит —
Все равно

Этот пропуск я не предъявлю:
Больше рая я землю родную люблю.
Я люблю эту землю, где рос и мужал,
Я люблю ее пастбища и города.
Никогда на коленах
Ни перед кем

не стоял,
Потому что отчизна — велика и горда.
Посильней волшебства,
Помогучее чар —
Сила родины, ею подаренный дар.
Захочу — и взлечу я повыше орла
Над песками пустынь,
Над вершинами гор,
Потому что отчизна мне силу дала.
Распахнула ворота в бескрайний простор.
Что мне рай!
Больше рая отчизну люблю,
Не о рае, о родине думаю я.
А тот пропуск волшебника не предъявлю —
Мать покинуть
не могут ее сыновья.

ВЕРШИНЫ ГОР

Сквозь дымку тумана белеют хребты,
Царят в этом царстве большой высоты,
Взойдешь туда ночью и руку протянешь —
Плеяды заденешь, рукою достанешь.
Созвездия смеришь внимательным взглядом,
Почувствуешь робость,

что — вот они, рядом.
И вниз поглядишь — мол, спускаться пора!
Почтенье земле посылает гора.
— Идите по жизни шагами большими, —
Сказала вам эта седая вершина.
— Мужайтесь и радуйтесь.

Не унывайте.
Душевный огонь веселей раздувайте!
Гора окрыляет мечтаний полет,
Грустить не велит,
Тосковать не дает.

Перевел с монгольского
Борис Слуцкий

дрожа, с окровавленным лицом и руками бежала сзади всех. Лиловый цветок с зелеными листиками, приколотый на отвороте пальто, потерялся. Волосы были растрепаны. Она знала, зачем полицейские вели Эрола на улицу Бурса, она не хотела, чтобы его тащили туда. Там был полицейский участок. Снимут показания, бросят Эрола в тюрьму. Не хотела, нет, она не хотела, чтобы Эрола посадили. Она бежала позади толпы, потеряв одну туфлю, причитая, упрасивала:

— Полицейские, ага-беи, господа полицейские, я на него не жалуюсь... Оставьте Эрола. Ей-богу, я на него не жалуюсь. Эрол не бил меня, отпустите Эрола!!!

Через некоторое время привыкшая к подобным сценам непроглядная темнота улицы Бурса поглотила толпу. Улица снова, как обычно, очень спокойно смотрела на проспект Независимости¹.

¹ Проспект Независимости — новое название улицы Бейогулу.

